

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МАРОККО

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МУЗЕЙ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МАРОККО

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ

Санкт-Петербург
2021

УДК
ББК

Петербургский музей исламской культуры
Государственный музей истории религии
Фонд «AL MAQAM» (Санкт-Петербург).

Выставка организована при содействии:

Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга и поддержке Ассамблеи народов Евразии
Санкт-Петербургского отделения Императорского Православного Палестинского Общества
Посольства РФ в Марокко.

Автор и руководитель проекта — Ефим Резван (СПб МИК, МАЭ РАН).

В создании выставки принимали участие:

Станислав Белоглазов (MAGNET)
Екатерина Терюкова (ГМИР)
Станислав Королев (Ассамблея народов Евразии)
Анна Кудрявцева (СПб МИК, МАЭ РАН)
Евгений Мироненко (eMotionTales, Санкт-Петербург)
Ирина Лепик (дизайн, Москва)
Мария Колесникова (Посольство РФ в Марокко)
Особая благодарность — Марии Матвеевой (Архив РГО)

Путешествие в Марокко. Каталог выставки (11.11.2021 — 11.12.2021). СПб.: Петербургский музей исламской культуры, 2021.
ISBN

В 2021–2022 гг. исполняется 240 лет со дня подписания первого договора между Россией и Марокко. 140 лет назад в 1881 г. Марокко впервые посетил известный русский путешественник князь Константин Александрович Вяземский (1853–1903), в конце жизни — схимонах Ксенофонт, хранитель одного из крупнейших собраний древних рукописей — библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. В 1881 г. он стал первым россиянином, побывавшим не только в Танжере, но и во внутренних районах страны и оставил описание своего путешествия на русском и французском языках. Марокканские впечатления и наблюдения Вяземского необычайно интересны, многие данные, собранные путешественником, до сих пор представляют научную ценность. Описывая природно-географические условия страны, автор отметил почти совершенную первозданность окружающей среды, благодатный климат, наличие плодородных земель и изобилие дичи. Мемуары Вяземского, которые ныне хранятся в Архиве РГО, содержат ценные сведения о нравах и обычаях, господствовавших в середине XIX в. в высших кругах Марокко, об их отношении к России, интересны описания визитов Вяземского к султану и его визирю, которые не довелось нанести другим русским путешественникам. Выставочный проект представляет не только часть наследия этого удивительного человека, но и впечатления наших современников, увидевших города и дороги Марокко спустя 140 лет после того, как здесь побывал князь Вяземский. Речь идет о фотоработах известного фотографа-путешественника Станислава Белоглазова, видеофильме и проекте дополненной реальности (авторы Ефим Резван и Евгений Мироненко — «eMotionTales» (Санкт-Петербург). Введение и подготовка текста К. А. Вяземского — Ефим Резван и Анна Кудрявцева.

УДК
ББК
ISBN

© Петербургский музей исламской культуры, 2021
© Архив РГО (Вяземский К. А. Путешествие в Марокко), 2021
© Станислав Белоглазов (фотоработы), 2021
© Ирина Лепик (дизайн), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Е. А. Резван, А. Ю. Кудрявцева. Ветер с Марокко

К. А. Вяземский. Путешествие в Марокко

С. С. Белоглазов. Две экспедиции

Е. А. РЕЗВАН,
А. Ю. КУДРЯВЦЕВА

ВЕТЕР С МАРОККО

— Дошло до меня, о великий царь, что на Крайнем Западе есть страна искусных магов и воинов, прекрасных дворцов и тенистых садов, изобильная золотом и самоцветами, заморскими товарами и дичью, правит ею царь из царей, который любит бедняков и нищих, благосклонен к подданным, и одаривает из своих денег тех, кто верит в Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует!

Сказочное Марокко всегда было для русских местом во многом экзотическим. Образы этой страны пришли к нам в первую очередь через французскую культуру: комнаты, усталые ковры, пронзительные взгляды подведенных сурьмой глаз из-под чадры, яркие базары и стройные мечети, всадники в пустыне, древние города, полузанесенные песком... Французский ориентализм донес до нас именно такой образ Северной Африки...

Россия традиционно интересовалась в первую очередь тем, что происходило вдоль ее границ, а Магриб естественным образом признавался зоной французских интересов. Именно поэтому на протяжении долгого времени для русской культуры Марокко оставалось практически неосвоенной зоной, а само название страны иногда фигурировало как обозначение условного места, максимально отдаленного от России. Таким предстало Марокко и в «Сакрокосмическом» стихотворении Бориса Пастернака, созданном в 1918 г.:

Мчались звезды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слезы высыхали.
Были темны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре.
Плыли свечи. И, казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.
Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге.

Наш громадный мир на самом деле чрезвычайно мал. Выезжая с утра из дома, включаешь в машине радио и слышишь: «Продолжительное тепло, установившееся в центре и на Северо-Западе России, связано с массами теплого воздуха, которые пришли к нам с Севера Африки...».

Пребывание Марокко в зоне влияния Франции не означало, что у России не существовало культурных и политических контактов с этой страной. Так, в 2021–2022 гг. исполняется 240 лет со дня под-

писания первого договора между нашими странами: «От Симпсона донесение к графу А. Р. Воронцову о заключении дружеского трактата с владельцем африканским для предохранения российского флота от опасностей, которым он ныне от барбарских морских разбойников подвержен». Трактат (или обмен письмами на месте), о котором он сообщает, был заключен в конце 1791 – начале 1792 г. после подписания Ясского мирного договора между Россией и Османской империей, положившего конец русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Кроме того, 140 лет назад Марокко впервые посетил известный русский путешественник князь Константин Александрович Вяземский (1853–1903), в конце жизни – схимонах Ксенофонт, хранитель одного из крупнейших собраний древних рукописей – библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. В 1881 г. он стал первым россиянином, побывавшим не только в Танжере, но и во внутренних районах страны и оставившим описание своего путешествия на русском и французском языках¹.

К. А. Вяземский происходил из старинного княжеского рода. Он получил прекрасное образование через всю жизнь пронес любовь к путешествиям, в которых, главным образом верхом на лошади, он провел шестнадцать лет, преодолев по дорогам России, Западной Европы, Африки и Азии более 300 тысяч километров. Расходы на путешествия Вяземский покрывал самостоятельно.

...цель своей жизни полагаю в путешествиях.

*У всякого свой вкус: кто гонится за чинами,
кто стремится к наживе, а кто, вот как я,
изучает земной шар в его разных частях
со всеми особенностями.*

ИМЕННО НАУКА ПРИВЕЛА МЕНЯ КО ХРИСТУ.

К. А. Вяземский

Его путевые дневники охотно публиковались как французским «Фигаро», так и «Русским обозрением». Сохранились два его обширных текста: «Путешествие в Марокко» (1881–1882) и «Путешествие вокруг Азии верхом» (1891–1893, Китай, Тибет, Вьетнам, Бирма, Лаос, Сиам, Камбоджа, Индия)². Матерью князя была француженка. Это обстоятельство, равно как и его стремление к независимости, привело к тому, что Вяземский и публиковался, и выступал в первую очередь во Франции³.

Но вернемся в 1881 г. Интерес марокканцев к России способствовал тому, что Вяземский стал первым россиянином, которого принял местный правитель. Его марокканские впечатления и наблюдения по-настоящему интересны, многие данные, собранные путешественником, до сих пор представляют научную ценность. В целом путешествие было совсем недолгим: 29 декабря 1881 г. – 6 января 1882 г. маршрут путешественника проходил, в частности, через Танжер, Лараш, Рабат, Эль Джадиду, Касабланку, Марракеш, Фес. Описывая природно-географические условия страны, автор отметил почти совершенную первозданность окружающей среды, благодатный климат, наличие плодородных земель и изобилие дичи. Мемуары Вяземского содержат ценные сведения о нравах и обычаях, господствовавших в середине XIX в. в высших кругах Марокко, об их отношении к России, интересны описания визитов Вяземского к султану и его визирю, которые не удалось совершить другим русским путешественникам.

Обращаясь к заметкам Вяземского, современный читатель не может не обратить внимание на жестко европоцентристский поход эксцентричного аристократа к восприятию азиатской культуры, что было в целом не характерно для русских путешественников той поры: «он не считал представителей восточных народов равными себе, допускал оскорбительные выражения в их адрес, которые впоследствии без корректировки были опубликованы на страницах периодического издания. Самоуверенность русского путешественника заявляет о себе на тех страницах путевых заметок, где он рассуждает о вопросах, ему неизвестных, к примеру, о принципах функционирования местной политической системы, иероглифическом письме, качестве и свойствах китайского чая и проч.»⁴. В возрасте 45 лет Вяземский испытал сильнейший жизненный кризис, связанный во многом со смертью его супруги. В апреле 1897 г. Константин Александрович приезжает на Афон и становится послушником Русского Пантелеимонова монастыря, спустя три года он был пострижен в схиму с именем Ксенофонт. Уже на Афоне он написал необычайный по внутренней открытости текст — исповедь, исполненную самого безжалостного самоосуждения: «Мне по человеческим суетным законам надлежало бы в Сибирь идти на каторгу, а Господь отправил меня на Святую Гору, сподобил быть сопричисленным к избранному своему стаду... Пишу исповедь свою для обличения самого себя, пусть, прочитав ее, суд надо мною составят и увидят из нее, как жить не надо и чему подражать не следует».

До конца своих дней схимонах Ксенофонт оставался человеком глубоко преданным науке, о чем сохранилось множество свидетельств: «Именно наука привела меня ко Христу. Только благодаря моей любви к наукам я сделался сознательным христианином. Только благодаря моим постоянным занятиям науками я убедился в суете мирской жизни и решил бросить ее и удалиться в монастырь. Только любовь к просвещению и умственному труду сделала то, что я не стал безбожником. Только наука меня убедила в истинности Христова учения...

Люди думают, что наука противоречит религии. Это чушь. Их области слишком различны. При правильном взгляде на дело ясно, что они и сталкиваться не могут. Одна печется о земном, о вещественном, а другая о небесном, о духовном. Одна есть достояние ума, другая сердца. Одна исследует окружающие нас внешние условия, а другая обращает внимание исключительно на внутреннюю жизнь. Они обе необходимы человеку и обе его отличают от животных...

Наука есть постепенное постижение материальной сущности творения Творца, а религия — прямое общение с Творцом, поэтому они являются двумя сторонами одной медали — мироздания — и друг без друга не дают полного представления о творении и Творце.

Если бы кто спросил: что полезнее человеку, наука или религия, пришлось бы ответить ему, что для разумного жития необходимы обе. Это походит на то, если бы кто спросил, что полезнее человеку, есть или пить? Для здоровья необходимо и то и другое»⁵.

На сегодняшний день наследие К. А. Вяземского исследовано совершенно недостаточно и нужда-

ется в объединении усилий русских и французских ученых. Мы надеемся, что выставка и ее каталог станут импульсом для продвижения совместной русско-французской исследовательской и историко-культурной инициативы.

До начала пандемии Марокко постепенно становилось одним из популярных направлений для русских путешественников. Кто-то вдохновлялся замечательным фильмом «Касабланка», поставленным в 1942 г. режиссером Майклом Кертисом с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман в главных ролях, кто-то стремился в Марракеш, превращенный Ивом Сен-Лораном в один из статусных центров для мировой богемы (здесь бывали Энди Уорхол, Мик Джаггер, Лулу де ла Фалез, Фернандо Санчес, Бетти Катру и многие другие ярчайшие представители западной культуры), кто-то мечтал об излюбленной локации голливудских режиссеров — глинобитном Айт-Бен-Хадду (здесь снималось множество популярнейших фильмов, среди которых «Лоуренс Аравийский» (1962), «Последнее искушение Христа» (1988), «Под покровом небес» (1990), «Мумия» (1999), «Принц Персии: Пески времени» (2010)), кто-то желал оказаться в Фесе, чтобы погрузиться в атмосферу романа Пола Боулза «Дом паука», и каждого пленяла радость безмятежного отдыха на берегу океана. Красоты Марокко привлекали и профессиональных фотографов из России. Полюбил эту страну и Станислав Белоглазов, фотограф-путешественник из Екатеринбурга. Именно ему мы обязаны визуальным рядом нашего проекта. Режиссером-постановщиком выставочного видео и проекта дополненной реальности стал наш давний партнер Евгений Мироненко.

«Продолжительное тепло, установившееся в центре и на Северо-западе России, связано с массами теплого воздуха, которые пришли к нам с Севера Африки...». Создавая нашу выставку, мы стремились поделиться своим впечатлением от удивительной страны, которая во многом воплощает в себе культуру и историю этой части мира, поделиться воздухом дальних странствий, невероятной историей жизни русского путешественника, который первым из наших соотечественников прошел дорогами Марокко и оценил красоту и самобытность этой страны. Пандемия помешала нашей исследовательской программе, связанной с религиозным своеобразием Марокко. Все проходит. Бог даст, и мы вновь окажемся в этой поистине сказочной стране и привезем оттуда новые материалы, которые станут основой книг, фильмов, выставочных проектов.

- ¹ Автограф записок К. А. Вяземского «Путешествие в Марокко» (3 тетради) хранится ныне в Архиве Всероссийского географического общества в Санкт-Петербурге (разряд 98, опись 1, № 16). Абсолютно большая часть текста была опубликована в работе: Мусатова Т. Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М.: Наука, 1990. С. 78—90. См. также: Сапронова М. А. Северная Африка в путевых заметках русских путешественников и офицеров Генерального штаба XIX века // Родная Ладога. 2011. № 2 (16). С. 191—207; Самиха М., Пинаев С. М. Культура Северной Африки в путевых заметках русских путешественников конца XIX — начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 585—593; Дьяков Н. Н. Магриб — Машрик — Россия. Материалы по историографии и истории арабских стран. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014.
- ² Рукопись записок Вяземского об этом путешествии хранится ныне в Российской государственной библиотеке (ОР Ф.178.1 № 8390). Подробнее см.: Электронный ресурс: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009432514> [последнее посещение 02.10.2021]. Первая публикация: Вяземский К. А. Путешествие вокруг Азии верхом // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 773—791; 1895. № 2. С. 723—748; 1895. № 7. С. 272—302; 1895. № 11. С. 226—253. См. также: Соколов А. А. Азиатский круг князя Вяземского // Восточная коллекция. 2003. № 1 (12). С. 50—65; Благодер Ю. Г. Записки князя К. А. Вяземского о путешествии по Китаю в 1894—1895 годах как исторический источник (по страницам журнала «Русское обозрение») // Научный диалог. 2019. № 3. С. 231—245; Журавлёв В. Его превосходительство бродяга // Вокруг света. Ноябрь 1996 г. Электронный ресурс: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1342/> [последнее посещение 02.10.2021]. По возвращении из этого путешествия Вяземский дал пространное интервью восторженному журналисту из «Фигаро», которое, к сожалению, изобилует множеством искажений, представляя во многом невозможный маршрут и ничем не подтвержденные события. См.: Henri Flamans. Un Voyage de 43,000 kilomètres // Le Figaro. 28 Mars 1894. Электронный ресурс: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k282856b/f2.item> [последнее посещение 02.10.2021].
- ³ Согласно некоторым сообщениям Вяземский был «дважды ограблен, подвергся нападениям, ранен в плечо пулей и штыком в ногу, прожил две недели в плену у тибетцев, привез с собой изнурительную лихорадку». См.: Соколов. Азиатский круг князя Вяземского. С. 51—52. Здесь важно отметить, что целый ряд фактов такого рода, приводимых как французской прессой, так и самим Вяземским, не находят своего документального подтверждения.
- ⁴ Благодер. Записки князя. С. 243.
- ⁵ Цит. по: Афонский схимонах Ксенофонт (князь Вяземский). День памяти — 18 сентября. Электронный ресурс: <https://afonit.info/biblioteka/nasledie-russkogo-monastyrya/ksenofont-knyaz-vyazemskij> [последнее посещение 02.10.2021].

Вяземский, К. А.
Путешествие в Марокко.

3 тетради.

3.16.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ГОРОД МАРОККО**

ТЕТРАДЬ 1-я

1881 года 9 декабря я отправился из приморского города Танжера в Марокко¹ верхом, ибо колесных путей там нигде нет. Я пользовался рекомендациями испанского правительства, и потому мне местные власти всячески содействовали для снабжения экспедиции всем нужным².

От Танжера до Марокко (500 верст) дорога сначала пролегает берегом океана (330 верст) до города Аземмура, где погребен местный святой Мулай Бугай; а затем направляется вглубь страны прямо к югу через небольшие возвышенности (170 верст) к резиденции султана Мулай Гасана (слово Мулай, прибавленное к имени на арабском языке, значит «Владыко»).

Путь все пролегает через местность безлесную, но покрытую богатой травой; кой-где попадаются возделанные поля и кой-какие селения, вдали с восточной стороны видны речки верстах 15 или 20 от дороги... Меня очень интересовали их [...] ³, но это было не безопасно, они по слухам населены дикими разбойничьими племенами, не признающими власть султана, и сами туземцы боятся туда ходить.

Путешествие мое от Танжера до Марокко длилось 19 дней. Вот список населенных мест, через которые я прошел, с соответствующими расстояниями от Танжера:

1. Сегедела — селенье от Танжера — 16 верст;
2. Асила — город от Танжера — 39 верст;
3. Лараш — город от Танжера — 40 верст;
4. Шуафа — селенье от Танжера — 94 версты;
5. Пхара — селенье от Танжера — 129 верст;
6. Шлихау — селенье от Танжера — 168 верст;
7. Мехедия — город от Танжера — 143 версты;
8. Рабат — город от Танжера — 196 верст;
9. Схиуш аль-Корумфель — селенье от Танжера. — 219 верст;
10. Мехария — селенье от Танжера — 239 верст;
11. Каза-Бланка⁴ — город от Танжера — 265 верст;
12. Эрцамулизиден — селенье от Танжера — 294 версты;
13. Штука — селенье от Танжера 308 верст;
14. Аземур — город от Танжера — 330 верст;
15. Ларюи — селенье от Танжера — 350 верст;
16. Бумхилель — селенье от Танжера — 382 версты;
17. Фетнага улед Бугарария — селенье от Танжера — 407 верст;
18. Ленталь — селенье от Танжера — 412 верст;
19. Смира — селенье от Танжера — 439 верст;
20. Бенехба — селенье от Танжера — 460 верст.

Султан был извещен о моем приезде своим министром иностранных дел Баргашем, живущим в Рабате, и потому выслал мне навстречу двух своих стражей в белых арабских рубашках и с пиками. Мы их встретили накануне нашего въезда в город Марокко 27 декабря около четырех часов вечера. Подъехав ко мне, они отдали честь по своему обычаю, подняв пики вверх, и сказали: «Мархабан!» (это арабское приветствие и значит в переводе на русский язык: «Добро пожаловать»). Встретили они нас в двух верстах от селения Бенебха в месте, называемом Эльхад Бенебха (слово «эльхад» значит базар), и место это служило базарной площадью в праздничные дни.

Неизвестный марокканский художник.
Всадники.
Серия «Этюды Марокко».

*Холст, масло, импасто,
36,3 × 43,3 см,
приобретена в 2011 г.
в Касабланке.
Частная коллекция
(Санкт-Петербург).*

Арабы, подъехав к переводчику, просили его объявить мне, что султан меня ожидает на следующий день, а теперь предлагает остановиться на отдых и сделал распоряжение, чтобы из окрестных деревень было принесено продовольствие для меня, моих людей и лошадей. Так делается всегда в Марокканской империи — идущим к султану приносят все нужное, как то крупу, хлеба, иногда мяса, разных овощей, чаю, ячменя, сена, и все это бесплатно. Эти приношения называются муной, они большею частью собираются местными начальниками с поселян; если их не принять, то начальники считают это для себя личной обидой, если же предложить за них деньги, то не примут и не поймут даже, за что.

Большею частью, когда путешествуешь по Марокканской империи с отрядом, как я и поехал потом из Марокко к северо-востоку, то солдаты питаются этой муной, даже продажей ее в городах, унося собой. От этого происходят постоянные столкновения между ними и поселянами, которые европейскому путешественнику трудно разобрать по незнанию языка. Переводчики, сопровождающие европейцев в их экскурсиях, также пользуются этой муной

и нередко наживают ею порядочные деньги, вымогая из поселян сколько возможно под угрозой пожаловаться султану. Те несчастные должны давать, сколько бы с них не потребовали, ибо размер муны ничем не ограничен; впрочем, при слишком наглых требованиях дело доходит и до рукопашной, и мне не раз приходилось вступаться в их стычки и умерять алчность моих людей.

Место, на котором мы остановились, представляет собой чистую равнину, поросшую кое-где кустарником. Почва была каменистая, вдали виднелись невысокие горы. Когда лошади были развьючены и палатки раскинуты, то начало темнеть. Из окрестных селений стали собираться люди; иные приносили провизию, другие приходили поздравить с приездом, третьи так только чтобы поглазеть.

Иностранцев в этих местностях почти не видят, и потому они возбуждают немалое любопытство в местном населении. Население это хотя рослое и сильное, но некрасивое, черты их очень грубы, они как-то неуклюжи. Женщины и мужчины носят темно-синюю одежду, что свидетельствует

о сравнительной суровости климата. Приморские жители тех же провинций ходят почти раздетые, даже и в зимнее время местные женщины несколько не прячутся от европейцев, как это происходит на востоке, и часто являются прислуживать.

Племя, обитающее здесь, называется дуккаля, и от него вся провинция носит это имя от океана и до Атласских гор.

Муну нам принесли хотя и поздно вечером, но в изобилии, и мы в этот день пообедали настолько роскошно, насколько это возможно в степи.

Ночь была тихая, но холодная, по временам слышался собачий лай, должно быть, стерегущих стада по горам.

На другой день мы встали с рассветом и отправились в путь, день был такой теплый, каких мы давно уже не видали. В продолжение нескольких часов местность слегка понижалась, и мы шли по отлогому склону так часов до 12. Тогда мы достигли возвышенностей, которые были видны накануне и обрамляли горизонт с юга. Здесь начинался легкий подъем, и так как и люди, и лошади уже успели устать, то мы расположились тут отдохнуть и позавтракать.

Верховые арабы, присланные султаном, сопровождали нас до этого места, здесь же покинув, поскакали вперед, чтобы возвестить наш приезд. Во время часовой стоянки термометр показывал почти неизменно 25 градусов по Цельсию, не скажу, чтобы в тени, ибо тени нигде нельзя было найти. Малорослые колючие кусты, которые тут находились в изобилии, тени никакой не давали. Погода вообще была хорошая, дул маленький ветерок с юга, подымавший легкую пыль. После этой стоянки мы подымались около часу до небольшой площадки, поросшей густой травой, и оттуда на расстоянии 15 верст открылся великолепный вид на город Марокко с окрестностями; я довольно долго любовался им, собственно не самим городком, а его окрестностями. Город Марокко, находящийся на третьем градусе северной широты, собственно ничем не отличается от остальных городов империи, которые вообще некрасивы ни вблизи, ни издалека. В них нет ни роскошных мечетей, как на востоке, ни высоких минаретов, дома низенькие с плоскими крышами, все однообразно белые, лепятся один к другому, издали все кажется как-то сплюснуто.

Красота заключается в общем содержании картины: город представлялся с возвышенности, на которой мы находились, весь утопавшим в пальмовом лесу, справа и слева по равнине извивалась речка Тенсифт, довольно широкая в этом месте. Перед городом ее не было видно, либо она была заслонена деревьями. Но что придавало особенную прелесть картине, так это хребет Атласских гор, весь покрытый снегом, он, как белая серебряная стена, закрывал горизонт, и хотя находился от города за 60 верст, но казался совершенно вблизи.

Солдаты, заметив, что я люблю панорамой, спросили, есть ли в нашей стране города, подобные Марокко. Я подумал, что они говорят о красоте вида, и отвечал, что в нашей природе северной нет пальмовых лесов, да и нигде у нас не видно снежных вершин среди зелени. Но они, видя, что я не

понял, уже прямо спросили, есть ли у нас такие большие города, как их Марокко. Этот наивный вопрос я оставил без ответа, не желая разочаровывать, и, зная их патриотическую гордость, не хотел сказать, что любой наш губернский город больше Марокко.

Переводчик, подъехав ко мне, стал хвалить климат здешний, уверяя, что в Марокко никогда не бывает ни слишком жарко, ни холодно. Уж не знаю, насколько это верно, но одно могу сказать, все время нашего пребывания в Марокко время стояло очень приятное, сухое и нехолодное, несмотря на то, что дело было в январе.

Спуск к городу отлогий и продолжается верст восемь вплоть до речки Тенсифт, через которую существует хороший каменный мост, вероятно очень древний. По дороге попадаются пальмы, но сначала редкие, в отдалении одна от другой, подходя же к реке, уже начинается густой пальмовый лес. Полагаю, что пишу это для читателей, не видевших никогда пальм нигде кроме как в теплицах, и потому распространяюсь несколько об этом предмете. Леса пальмовые бывают двоякого рода: сажные и выхолненные пальмы представляются чем-то странным; нижние ветки у них зачем-то обрубаются, и они кажутся издали как бы опрокинутыми метелками, а потому выглядят совсем некрасиво. Таких лесов много в Египте в Нубии и в оазисах Сахары, принадлежащих французам. Жители их еще портят там, окапывая и устраивая вокруг глиняные (иногда из булыжника) загородки; это делает пальмовые рощи совершенно безобразными.

Леса же Марокканской империи совершенно дикие, там, может, и сажали деревья, но очень давно, теперь их никто не окапывает и не рубит, иногда только обирают с них по осени финики и затем забывают про них, и леса эти, предоставленные сами себе, великолепные, своей густотой предохраняют путника как нельзя лучше от лучей знойного африканского солнца. Вот такой-то лес и окружает столицу Марокканского царства. В этом лесу расположились люди и войска, высланные султаном меня встретить; говорят они, бедные, дежурили целый день, меня ожидая.

Встреча эта была в высшей степени типична, и всегда вид всех этих разноцветных всадников в лесу напоминал собою французскую феерию. В самом деле, один уже лес походил как нельзя больше на театральную декорацию, да еще все эти люди в фантастичных костюмах, кто в белых мантиях, кто в красном, кто в зеленом... Начальники сидели на дорогих лошадях, и при них находились по несколько совершенно черных рабов. Были некоторые (как я потом узнал, важные сановники), у которых мантии спускались с лошадей до земли, и их поддерживали слуги. Один старый седой араб был в розовой мантии и золотых очках. Это как-то не гармонировало и казалось смешным.

Все встречающие сначала здоровались, отдавали честь, и потом следовали за нами, так что процессия делалась очень длинная. Один из начальников, подскакав ко мне, заговорил на чистом французском языке. Он был одет, как алжирский мавр и в чалме. Оказалось, что он командовал артиллерией султана, был родом из Эльзаса и по фамилии Эркман. Он объяснил мне, что кроме него в городе всего два европейца: это его помощник-француз и начальник пехоты англичанин Маклен.

Поговорив со мной, он просил позволения поехать рядом, я был очень этим доволен. Я стал спрашивать его про лиц, которые выехали меня встречать. Он называл всех и в том числе указал на одного молодого в белой мантии, стоявшего впереди других, сказав, это — церемониймейстер султана. Я ему кивнул головой, и церемониймейстер к нам немедленно подъехал и потом продолжал ехать рядом.

Я спросил француза, почему мне делают такую торжественную встречу, что ведь я частный путешественник и никаких дипломатических миссий не имею. Он ответил, что султан вообще рад видеть русского в своей стране, так как еще ни одного никогда не видел и в особенности теперь к русским благоволит по случаю победы над султаном турецким, считаемым всеми западными арабами за узурпатора, ибо, не быв потомком Магомета, он присваивает верховные права ислама. Марокканский же султан числится прямым наследником Магомета и потому долженствовал бы первенствовать у мусульман.

Некоторые сановники, ехавшие за нами, видя, что я люблю их разноцветной одеждой, просили француза передать мне, что они всегда одеваются в разноцветные мантии, как полевые цветы, потому что они так же незлобивы, как цветы. Я улыбнулся на это сравнение, вспомнив их недавние жестокости над христианами в Тетуане, но промолчал.

Через час мы достигли городских ворот, но француз посоветовал в город не въезжать, ибо на улицах будет невообразимая теснота (улицы в марокканских городах так тесны, что там трудно даже двум встречным верховым разъехаться, и мне не раз случалось касаться руками, сидя на лошади, противоположных домов на поворотах) от всех этих встречающих и нищего люда, иногда бежавшего за нами. На городскую стену взобралось множество любопытных, и между ними заметил очень недружелюбные физиономии. Должно быть, это были ярые фанатики.

¹ В ходе подготовки текста Вяземского к печати в него были внесены незначительные исправления. Так «мархваба» или «мархавабак» у автора исправлено на «мархабан» (араб. «Добро пожаловать!»), «мюле» – на «мулай» (марокканский почетный титул), Дуккана – на Дуккала (название одной из областей Марокко) и т.п.

² Это путешествие со всеми подробностями было напечатано в «Фигаро», здесь представляю лишь краткие выдержки [прим. автора]. Под названием Марокко здесь фигурирует город Марракеш [А.К., Е.Р.].

³ Здесь и далее – обозначение нечитаемого фрагмента [А.К., Е.Р.].

⁴ Это название португальское, и здесь по слухам прежде была португальская колония, в настоящее же время город этот населен одними арабами, но прежнее название сохранилось [прим. автора].

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ГОРОД МАРОККО

ТЕТРАДЬ 2-я

Начальник артиллерии мне сообщил, что султан предоставил для моего помещения один из своих дворцов, в котором обыкновенно помещаются прибывающие к нему европейские послы. Дворец этот находился на окраине города. К нему можно было проехать вдоль городских стен, туда и направился весь наш поезд.

По дороге попадалось много нищих, я им велел бросить медную монету; они с криком и бранью ее ловили и потом дрались между собой. Все они были полунагие, в отрепьях, с крайне болезненным видом. Француз сказал мне, что арабы удивлены, что я даю им медь, что обыкновенно приезжие европейцы кидают им серебро. Я отвечал, что каждый дает по средствам.

Неизвестный марокканский художник.
Музыканты.
Серия «Этюды Марокко».

*Холст, масло, импасто,
40 × 35,3 см,
приобретена в 2011 г.
в Касабланке.*

*Частная коллекция
(Санкт-Петербург).*

У самых ворот предназначенного нам дворца нас встретила кучка иудеев-насельников. Они играли на всевозможных инструментах.

Француз объяснил, что они меня поздравляют с приездом и что им надо что-нибудь дать. Между ними была также и девушка, довольно нарядно одетая, но босиком. Это меня удивило. Потом я узнал, что иудеям иначе запрещено ходить по улицам священного города Марокко, и для того, чтобы обуваться, они должны получать особые грамоты от султана, которые даются лишь за большие заслуги. Впрочем, по улицам города и арабские женщины ходят босиком, даже богатые, и нередко приходится видеть местную девушку всю в шелках и в бархате, пробирающуюся в сопровождении черных евнухов босиком, при этом они носят золотые браслеты на ногах и кольца на пальцах ног.

Дворец, в который меня поместили, сам по себе ничем особенным не отличался. Это был двухэтажный небольшой дом с широким двором и фонтаном посреди, но прилежавший к нему сад был великолепным. О нем поговорю после.

Нижний этаж предназначенного нам дома был разделен на маленькие конурки, где поместились наши люди, а верхний из одной, но очень большой комнаты, предназначенной собственно для нас с женой. Комната эта вся была устлана роскошными коврами, в углах стояли две европейские кровати, посреди — маленький, очень простой стол был прислонен к стене, на полу стояло несколько бронзовых шандалов с зажженными свечами очень больших размеров. Расставлены они были симметрично в виде аллеи. В комнате было накурено ладаном и мускусом, у стен было прислонено несколько больших зеркал очень хорошей работы, вероятно из Парижа (арабы никогда не вешают зеркала на стены и всегда прислоняют их или просто кладут на пол, они никогда не смотрятся в них, а берегут просто как украшение).

Сад, который был виден из единственного окна нашей большой комнаты и составлял принадлежность дворца, был, как я уже сказал, прелестный; он почти весь состоял из апельсиновых деревьев, покрытых фруктами, и пальм. Цветов не было, дорожки были везде прямые, посыпаны песком,

посреди сада находилась беседка с террасой, то есть плоской крышей, и с нее был виден весь город. Хотя беседка была низкая, но она находилась на холме, и самые высокие пальмы не закрывали вида своими макушками. Француз, однако, мне объяснил, что не следует очень наслаждаться тем видом, что ходить на крыши считается неприличным, что они предоставляются исключительно в пользование женщинам, которые по ним переходят из дома в дом, делают друг другу визиты и могут обойти таким образом весь город, ибо соседние крыши везде соединяются мостиками.

На крыльце дома нас встретил управляющий этого дворца с прислугой. Это был седой, важный араб, похожий на то, как рисуют Авраама, он был в голубой мантии и отвесил нам поклон в пояс, сказав «мархабан», после этого повел нас вверх по лестнице; француз пошел за нами, служа ему переводчиком. Введя нас в комнату, он сказал, что султан ее предназначил для нашего жития в Марокко, затем, показав сад, прибавил, что и сад султан назначил в наше распоряжение и что мы можем есть там сколько хотим плодов, но не продавать их. Эта оговорка мне показалась очень смешною, но, вспомнив, как торгуют муной, я подумал, что ведь они правы, предупреждая.

Через несколько минут пришел посыльный от великого визиря поздравить с приездом. Это был араб лет 40, весь в белом, с кротким и как бы женским лицом. Он вошел неслышно, прижимаясь к стене, держал себя как-то боязливо. Француз встал при его входе и подал ему руку. Это меня удивило, ибо я принял посыльного за неважное лицо. Меня еще больше удивило, когда француз объяснил мне, что он старший секретарь великого визиря, состоит в чине паши (генерала) и будет в будущем году послан уполномоченным в Испанию.

Я, разумеется, узнав все это, пригласил его сесть, что было, однако, трудно исполнить, ибо стульев не было, и мы сами сидели на кроватях, но пришедший секретарь (по имени Сифодоль) не затруднился и, поджав под себя ноги, сел на пол. Он долго ничего не говорил и смотрел на меня в упор. Я первый нарушил это странное молчание и сказал ему, что прошу поблагодарить султана за прием и желал бы ему лично представиться. Он сказал, что доложит его величеству, и опять замолчал. Француз стал с ним говорить по-арабски, объясняя, что мы устали с дороги и хотим отдохнуть. Тогда он встал, поклонился и вышел; вышел за ним и француз, а мы стали располагаться, как могли, в этом оригинальном дворце. Через полчаса мне доложили, что принесли от султана муну. Я пошел вниз посмотреть и, Боже мой, чего тут только не было: живые бараны, куры, утки, голуби, огромный ящик с чаем, свечи, мука, ячмень, разные сладкие печенья, сахар, изюм, рис, сухие финики, какая-то рыба, зачем-то гвозди, веревки, подушки, тюфяки. Все в огромном количестве. При этом люди, принесшие все это, сказали, что если окажется мало, принесут еще. Я поблагодарил и сказал, что этого весьма достаточно.

На другой день я пошел осматривать город в сопровождении французского и англичанина Маклина, который утром пришел представиться. Он оказался очень приличный и благовоспитанный офицер в красном английском мундире и таких же панталонах с позолоченными пуговицами. С француз-

зом они были, разумеется, в контрах и всей душой друг друга ненавидели. Город Марокко, как я и говорил, ничем не отличается от других городов этого царства; нельзя сказать даже, чтобы он был самый большой из них, ибо размером он уступает Фецу, древней столице.

О товарах и произведениях этого города сказано у меня подробно в брошюре о торговле Марокканской империи, однако скажу только, что лавки на базаре имеют самый оригинальный вид, они похожи как бы на ниши в католических церквах, в которые ставят статуи святых. Продавцы в них

Макки Баламино.
Рабат.
Старый квартал (медина).

Холст, масло,
33 × 45 см.
Коллекция Н. Н. Дьякова
(Санкт-Петербург).

сидят среди своего товара, поджав ноги, на высоте аршина полтора от земли, а покупатели подходят извне. Покупка и продажа обыкновенно сопровождаются неистовыми криками с той и с другой стороны.

Базар в Марокко очень большой, и состоит он главным образом из европейских вещей плохого качества. Я спросил у моих спутников, отчего тут нет никаких предметов из Судана, ни слоновой кости, ни перьев страусовых. Они мне на это ответили, что привоз из Судана так дорог, что единственный товар, окупающий этот привоз, есть рабы и рабыни. Их пешком пригоняют, но этих на базаре не продают из боязни европейцев, ибо султан последним договором обязался прекратить у себя торговлю невольниками.

Мечеть арабы положительно посещать не пускают европейцев, и потому мне так ни одну не удалось видеть, судя же по внешности, они малоинтересны. Очень низкие и без всяких украшений минареты их имеют не более трех-четырех саженей в высоту.

Представление султану состоялось на четвертый день нашего приезда и было назначено в девять часов утра. За нами прислали придворных лошадей, и мы отправились с женой в сопровождении многочисленной свиты, которую также прислал за нами султан. Сифодоль и церемониймейстер

поехали за нами верхами, а остальные шли пешком. Подъехав к стенам султанского дворца, мы увидели там очень много солдат и офицеров. Они все почти сидели и лежали на земле. Француз, начальник артиллерии, подошел к нам и сказал, что по обычаям марокканским, так как султан здесь, солдаты не должны ни вставать, ни отдавать нам честь. Мне это, разумеется, было совершенно все равно.

Через несколько минут пришел старший церемониймейстер, тоже весь в белом, и пригласил нас следовать за ним внутрь. Пройдя через ворота, мы вошли в большой сад и направились по аллее вперед. На расстоянии 50 шагов показалась небольшая беседка, где ожидал нас султан. Он сидел посредине на возвышении, устроенном из подушек, был закутан весь в белую мантию с головы до ног, видно было только лицо бронзового цвета и руки. Султан, мужчина лет 45, крепкий, здоровый, с живым лицом, казался совершающим какой-то важный обряд. Он не двинулся при нашем прихо-

де и едва повернул голову в нашу сторону. Церемониймейстер, пропустив нас вперед, в беседку не вошел, а остался вне. Вошли только мы с женой и наш переводчик, который так оробел, что стал перед султаном на колени.

Так как сесть было некуда, то мы с женой остались стоять. Султан, взглянув на нас, приложил руку к груди, и это означало, что он рад нас видеть. Зная арабские обычаи, я просил переводчика передать султану, что желаю ему долго и благополучно царствовать, и еще несколько подобных приветствий. На все это султан только прижимал руку к груди.

Затем я просил позволения поднести султану привезенное ему аметистовое ожерелье (мне говорили еще в Испании, что к нему без подарков являться нельзя). Ожерелье внес в беседку наш слуга из арабов на белой шелковой подушке и также стал на колени. Султан потрогал ожерелье и сделал знак поставить его около него. Затем, осведомившись о здоровье русского императора, спросил, благополучно ли мы доехали и каким путем. Услышав, что мы приехали через Париж, поинтересовался узнать, далеко ли от нашей столицы до Парижа. Я отвечал, что расстояние настолько велико, что если ехать верхом, то потребуется месяца два с половиной. Тогда он меня удивил чисто уже марокканским вопросом, которого я даже сразу и не понял. Он спросил, можно ли по пути везде найти воду, полагая, вероятно, что, как у них, приходится проходить кое-где через пустыню. Еще полюбопытствовал узнать, есть ли у нас, у русских, пушки и где их достают (любимое его занятие, по словам француза Эркмана, — это пушечная стрельба в цель). Вся аудиенция продолжалась не более десяти минут. По окончании разговора султан опять приложил руку к груди, и это значило, что он нас отпускает.

Пребывание мое в столице Мулай Гасана продолжалось девять дней, кроме аудиенции у султана стоит отметить еще визит к великому визирю и еврейскому раввину. Визирь прислал на другой день пригласить меня к себе того же Сифодоля, что и прежде у нас был. Ему очень хотелось, чтобы и моя жена его посетила, и, говорят, он обещал дать хороший подарок французу, если тот уговорит ее поехать со мной к нему; но жене почему-то не хотелось, и я к великому визирю отправился один. Француз Эркман меня сопровождал, мы поехали, конечно, верхом, ибо иначе и нельзя было ехать по улицам Марокко. Колесного пути в этой стране нигде нет, и хотя в последнее время кто-то подарил султану коляску, но ее он никогда не употреблял, да и негде ее употреблять.

Приехав к великому визирю, мы вошли в небольшой красивый сад, окруженный каменной стеной, в саду были две беседки в 15 шагах одна от другой, при двери одной из этих беседок встретил меня визирь в сопровождении военного министра; оба они были арабы пожилых лет, очень важные с виду, обвернутые с ног до головы в белые мантии, великий визирь был несколько тучнее и выше ростом; но военный министр казался хитрее и пронырливее. Они оба протянули мне руки по-европейски и проговорили «мархабан»; затем пригласили следовать за собою в беседку. Беседка эта была много просторнее, чем та, в которой нас принимал султан, и имела продолго-

ватую форму. Великий визирь пригласил меня сесть и сел сам с военным министром, сел также и француз. Нам были поставлены европейские кресла. Переводчик и еще какие-то люди из свиты визиря остались стоять.

Разговор пошел о дороге, о погоде, а потом, наконец, и о России. Визирь очень интересовался всякими подробностями и очень удивился, когда я ему сказал, что Россия, в случае надобности, может выставить миллион войска. Военный министр все молчал и только поглядывал исподлобья на меня.

Минут через десять визирь спросил меня через француза, не хочу ли закусить. Я из любопытства согласился, и он повел нас из этой беседки в другую, где уже был накрыт стол и стояли разные кушанья. Стол был накрыт розовой шелковой скатертью, и у каждого прибора лежали голубые шелковые салфетки, посуда же и приборы ничем не отличались от наших.

Кушанья все стояли на столе и были приготовлены по-европейски: была жареная баранина, индейка, голуби, разные кашицы, возвышались пирожные и стояли графины с лимонадом и оранжадом (вина марокканские арабы не пьют и ими никого не угощают).

Прежде еды нам подали чай с печеньем, очень душистый и крепкий в маленьких чашечках.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ГОРОД МАРОККО**

ТЕТРАДЬ 3-я

Арабы всякую еду начинают чаем. После чая француз по просьбе визиря стал разрезать разное жареное. Арабы ели очень мало и все угощали меня. Приходилось пробовать каждого кушания. Они были вообще недурно приготовлены, за исключением одного, которое сперва я даже не мог понять, из чего сделано, но вскоре догадался, это был компот из апельсинов с тертым шпинатом и [...], и все блюдо было покрыто толстым слоем жженого сахара. Один вид этого кушанья уже возбуждал тошноту, но, чтобы не обидеть визиря, пришлось попробовать и его. К моему удивлению, француз ел этот ужасный компот с удовольствием и даже брал себе на тарелку два раза.

По окончании еды подали кофий по-европейски, то есть без гущи, и едва я допил свою чашку, как визирь объявил, что рад был меня видеть целый день у себя, но что ему надо идти к султану. Арабы так делают всегда, по окончании еды они немедленно расходятся, и европейцев, которые иногда думают посидеть, поболтать и покурить, они под разными предлогами выпроваживают. К чести жителей Марокко надо сказать, что они очень воздержанны в пище и почти совсем не курят, а если и курят, то одни в своих гаремах.

Во время обеда у визиря прислуживали молодые арабские девушки, очень изящно одетые, в чалмах и коротеньких юбочках. Они были босиком и на руках и ногах имели нитки из мелкого жемчуга и мелкой позелененной бирюзы. Некоторые имели на пальцах ног золотые кольца. На одной из них я увидел большой серебряный браслет в виде оковы на щиколотке левой ноги. Это меня удивило, и я спросил у француза о его значении. Осведомившись у великого визиря, он мне объяснил, что это дарят за хорошее поведение, что браслет спаивается на ноге и затем уже снят никогда быть не может. Я пожелал его осмотреть вблизи и наскоро его срисовал. Рисунок этот я сохранил до сих пор. Браслет очень типичен, он имеет полтора вершка ширины, плотно облегает ногу, на концах сделана довольно причудливая резьба.

Я спросил девушку, не больно ли ей в нем ходить, но она засмеялась и сказала, что привыкла, после я много видел таких браслетов — и серебряных, и золотых. Срисовывая браслет, я мог констатировать, что ноги этой девушки были сильно надушены мускусом. Француз объяснил мне, что у них существует такое мускусное мыло, которым они моют ноги и руки, что мыло это ядовитое и производит часто болезни кожи, и действительно, у двоих я заметил как бы легкую сыпь на ногах, она особенно выделялась на икрах, которые были видны, ибо юбки их едва достигали колен. Девушки эти, прислуживая нам, то и дело обмахивали нас каким-то большим веером от мух, и когда мы вышли из-за стола, стали с нас стряхивать пыль. Я поинтересовался в шутку, отчего они так роскошно одеты, когда простые служанки. На это француз мне объяснил, что великий визирь очень богат, что у него 40 законных жен и большое число наложниц и что роскошь их костюмов едва вообразима, что если бы моя жена к нему приехала, то могла бы всех их видеть.

Другой визит довольно любопытный, который стоит описать, — это к еврейскому раввину. Раввин этот сам пришел меня приглашать, объявив, что вся иудейская колония собралась у него, чтобы

меня видеть. Он сказал, что его посещал бывший здесь восемь лет тому назад английский посол и что все европейцы его очень уважают. Я, разумеется, к нему отправился.

Масса иудеев встретила меня у ворот. Женщины были разодеты, что называется, в пух и в прах, костюмы, впрочем, такие же, как уже описаны мною в Тетуане и Танжере. Сам престарелый раввин стоял на крыльце, окруженный членами своей семьи. Он меня повел внутрь дома, там посреди большой комнаты стоял стол, накрытый по-европейски с разными сладкими яствами, между прочим, было известное арабское кушанье кускус, состоящее из ячменя, риса и разных приправ с кусками мяса мелко рубленного.

Никто из иудеев не сел и почти все расположились вдоль стены.

Раввин угощал и просил пробовать каждого блюда.

Мне подали чаю в серебряной позолоченной чаше европейской работы, но, видимо, старинной, на ней были разные узоры. Раввин объяснил, что это подарок умершего султана, у которого он был казначеем.

После чая принесли вина, вкусом и цветом похожего на пиво. Причину такого сходства мне не удалось узнать. Вина вообще в Марокканской империи мало, и виноделием занимаются исключительно иудеи. Я для дороги велел купить у них этого вина, но иудеи ни за что не хотели брать за него деньги и принесли три дюжины бутылок в подарок. Еще отмечу довольно курьезную вещь из их угощения: это ликер, настоянный на ладане. Он не особенно крепок, но действует одуряюще даже в малом количестве, потом мне приходилось пить такой же ликер в Алжире, он цветом совершенно прозрачный, как очищенная водка.

По окончании угощения показал мне грамоту султана, разрешающую ему и всему его семейству ходить по городу обутыми. Грамота эта была размером с газетный лист и обложена папкой с какими-то фантастическими рисунками и несколькими печатями. В ней что-то очень много было написано. Раввин сказал, что это выписаны там все его какие-то заслуги.

Я просил позволения снять с нее копию, на что тот охотно согласился и был даже очень этим польщен. Копию эту я сохранил у себя. Некоторые из иудеек, подойдя ближе, просили меня принять от них в подарок разные арабские туфли, шитые золотом, очень красивые. Я, конечно, чтобы не обидеть их, принял и потом послал им несколько шелковых платков, привезенных мною из Франции. Иудейки эти почти все говорили по-испански, так что я смог с ними объясниться без переводчика. Накануне нашего отъезда из Марокко мы поехали по приглашению султана осматривать его сад. Про этот сад почти нечего говорить, он отличался разве лишь своим размером. Нам понадобилось два часа, чтобы его объехать верхом из конца в конец. Он имеет форму удлинненного прямоугольника; цветов в нем очень мало, и они самые обыкновенные: дорожки везде прямые, посыпаны песком, деревья по большей части апельсиновые.

Посреди сада большой пруд, имеющий вид правильного квадрата, близ пруда небольшая полянка,

покрытая сахарным тростником. В Марокканской империи его вообще не возделывают, и эта маленькая плантация существует лишь для удовольствия султана. В конце сада мы нашли несколько рабочих, занятых выжиганием кирпича. Это невольно заставило меня подумать о патриархальности местных нравов. Больше рассказывать о Марокко нечего.

Утром в день отъезда нам принесли от великого визиря разрешительные грамоты на проезд в Фец и через Уджду в Алжир. Для сопутствования нам был отряжен целый отряд солдат под началом каида (офицера) Джугали. Это был старый седой араб, хороший наездник, бывший дядька великого визиря. В Феце к нам должен был быть присоединен еще другой отряд, ибо дорога там внушала большие опасения от разных непокорных султану племен, населяющих северо-восточную часть его царства.

Вместе с грамотами мы получили и подарки от султана, они следующие: для меня великолепная арабская лошадь с роскошным красным бархатным седлом, шитым золотом, ценою в 800 рублей. Для моей жены был хороший мул и два золотых массивных браслета, ценою каждый в 300 рублей. Браслеты эти у нее сохранились и по сие время. Любопытен способ передачи этих браслетов моей жене. Их принес управляющий дворцом и, не показывая, просил жену ему подать руки, затем, вынув их из-под полы платья, надел ей на руки и самодовольно улыбнулся. Он, кажется, был очень удивлен, что жена, получив их, не выразила никакой особенной радости.

Насколько нас торжественно встречали в Марокко, настолько же и небрежно провожали; отдав нам подарки и спросив, довольны ли мы, нас все оставили и разошлись.

Провожали нас за город только француз Эркман да англичанин Маклин со своими солдатами в красных мундирах. На первую ночь мы расположили палатки на берегу Тенсифта среди пальмового лесу.

СТАНИСЛАВ
БЕЛОГЛАЗОВ

ФОТОГРАФ

Станислав Белоглазов — фотограф, путешественник, директор фотоагентства и фотошколы MAGNET, член Русского географического общества, председатель фотосекции екатеринбургского отделения FIJET (Международная ассоциация тревел-журналистов), главный редактор журнала «Фотоед», научный сотрудник Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, преподаватель Технического университета УГМК. Побывал в 135 странах. Кроме самостоятельных путешествий, пробовал свободу в пилотировании Як-52, парапланеризме, в свободном падении с четырех километров (AFF, парашюты), в дайвинге, серфинге, кайтинге...

Поездка по Марокко — это не просто погружение в мир незнакомой нам уникальной культуры Востока, но поистине настоящее путешествие в историю, в мир, где живы вековые традиции. Великое счастье фотографа-путешественника пройти по пути предшественников и увидеть все своими глазами, запечатлеть камерой и показать зрителю. А зритель уже сам может сравнить тексты, впечатления, переданные для потомков первыми русскими исследователями, и фотографии нашего современника.

«1881 года 9 декабря я отправился из приморского города Танжера в Марокко верхом, ибо колесных путей там нигде нет».

«От Танжера до Марокко (500 верст) дорога сначала пролегает берегом океана».

«Султан был извещен о моем приезде своим министром иностранных дел Баргашем, живущим в Рабате, и потому выслал мне навстречу двух своих стражей в белых арабских рубашках и с пиками».

«На другой день мы встали с рассветом
и отправились в путь, день был такой теплый,
каких мы давно уже не видали».

«Путь все пролегает через местность безлесную,
но покрытую богатой травой; кой-где попадаются
возделанные поля и кой-какие селения, вдали
с восточной стороны видны речки верстах
15 или 20 от дороги...»

«Так делается всегда в Марокканской империи — идущим к султану приносят все нужное, как то крупу, хлеба, иногда мяса, разных овощей, чаю, ячменя, сена, и все это бесплатно».

«Эти приношения называются муной, они большею частью собираются местными начальниками с поселян; если их не принять, то начальники считают это для себя личной обидой, если же предложить за них деньги, то не примут и не поймут даже, за что... Муну нам принесли хотя и поздно вечером, но в изобилии, и мы в этот день пообедали настолько роскошно, насколько это возможно в степи».

«Арабы всякую еду начинают чаем».

«Переводчик, подъехав ко мне, стал хвалить климат здешний, уверяя, что в Марокко никогда не бывает ни слишком жарко, ни холодно. Уж не знаю, насколько это верно, но одно могу сказать, все время нашего пребывания в Марокко время стояло очень приятное, сухое и нехолодное, несмотря на то, что дело было в январе».

«Он спросил, можно ли у нас по пути везде найти воду, полагая, вероятно, что, как у них, приходится проходить кое-где через пустыню».

«Ночь была тихая, но холодная, по временам слышался собачий лай, должно быть, стерегущих стада по горам».

«Во время часовой стоянки термометр показывал почти неизменно 25 градусов по Цельсию, не скажу, чтобы в тени, ибо тени нигде нельзя было найти».

«Через час мы достигли городских ворот,
но француз посоветовал в город не въезжать,
ибо на улицах будет невообразимая теснота».

«На городскую стену взобралось множество любопытных...»

«Начальник артиллерии мне сообщил, что султан предоставил для моего помещения один из своих дворцов, в котором обыкновенно помещаются прибывающие к нему европейские послы. Дворец этот находился на окраине города».

«У самых ворот предназначенного нам дворца нас встретила кучка иудеев-насельников. Они играли на всевозможных инструментах...»

«На крыльце дома нас встретил управляющий этого дворца. Это был седой, важный араб, похожий на то, как рисуют Авраама».

«Посреди сада находилась беседка с террасой,
то есть плоской крышей, и с нее был виден весь город».

«Француз, однако, мне объяснил, что не следует очень наслаждаться тем видом, что ходить на крыши считается неприличным, что они предоставляются исключительно в пользование женщинам, которые по ним переходят из дома в дом, делают друг другу визиты и могут обойти таким образом весь город, ибо соседние крыши везде соединяются мостиками».

«Город Марокко, как я и говорил, ничем не отличается от других городов этого царства; нельзя сказать даже, чтобы он был самый большой из них, ибо размером он уступает Фецу, древней столице».

«На другой день я пошел осматривать город».

«Улицы в марокканских городах так тесны, что там трудно даже двум встречным верховым разъехаться, и мне не раз случалось касаться руками, сидя на лошади, противоположных домов на поворотах».

«...Дома низенькие с плоскими крышами,
все однообразно белые...»

«Иностранцев в этих местностях почти не видят, и потому они возбуждают немалое любопытство в местном населении».

«Базар в Марокко очень большой...»

«Лавки на базаре имеют самый оригинальный вид, они похожи как бы на ниши в католических церквах, в которые ставят статуи святых. Продавцы в них сидят среди своего товара, поджав ноги, на высоте аршина полтора от земли, а покупатели подходят извне».

«Покупка и продажа обыкновенно сопровождаются неистовыми криками с той и с другой стороны».

«Я спросил у моих спутников, отчего тут нет никаких предметов из Судана, ни слоновой кости, ни перьев страусовых».

«Во время обеда у визиря прислуживали молодые арабские девушки, очень изящно одетые, в чалмах и коротеньких юбочках».

«Насколько нас торжественно встречали в Марокко, настолько же и небрежно провожали; отдав нам подарки и спросив, довольны ли мы, нас все оставили и разошлись».

Все материалы выставочной программы, включая электронный вариант каталога, видеофильм «Путешествие в Марокко» и VR-фильм «Князь Вяземский: неосуществленное путешествие», доступны через QR-код проекта

БУДЕМ РАДЫ ВИДЕТЬ ВАС НА САЙТЕ НАШЕГО МУЗЕЯ!

